

М. А. Липкин

СОВЕТСКО-КУБИНСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1960–1972 гг.)*

doi: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-81-94

УДК 94(47+7Куб)“1960/1970”

ББК 63.3(2+729.1)6

В статье на основании впервые вводимых в научный оборот документов из российских архивов анализируется эволюция советско-кубинских торговых и экономических отношений за период 1960–1972 гг. На основе ключевых доктринальных документов, записей переговоров и переписки ключевых фигур рассматриваемого периода: Че Гевары, Фиделя Кастро, Анастаса Микояна, Алексея Косыгина, Леонида Брежнева — показаны особенности логики отдельных периодов. Автор доказывает, что в 1960 и в 1971 гг. Советский Союз дважды спас экономику революционной Кубы от коллапса, оперативно предоставив льготные кредиты, техническую помощь и политическую поддержку. Впервые показаны дискуссии вокруг кубинского проекта соглашения об экономической интеграции с СССР в 1960 г. и переговоры советских и кубинских плановиков по проблеме угрожавшего Гаване дефолта в 1971 г. Автор приходит к выводу, что, несмотря на отказ от подписания соглашения об интеграции в 1960 г., де факто Куба становится частью статей доходов и расходов советского государственного бюджета. Координация планов двух стран с начала 1970-х гг., доверительный обмен планами внутреннего развития означали переход от первоначальной модели согласования цен и товарных списков к межгосударственной экономической интеграции, дополненной вступлением Кубы в СЭВ в 1972 г.

Ключевые слова: СССР, Куба, США, революция, международная торговля, блокада, торговые санкции, экономическая интеграция, сотрудничество, помощь, кредиты, мировая система социализма, Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), Госплан, Че Гевара, Фидель Кастро, Анастас Микоян, Никита Хрущёв, Алексей Косыгин, Леонид Брежнев

20 октября 1960 г. правительство США ввело экономическую блокаду Кубы. За этим последовало давление на союзные страны как на американском континенте, так и в Европе с целью отрезать Гавану от мирового рынка и экономически задуть революцию. Куба, где в 1959 г. был свергнут диктаторский режим Фульхенсио Батиста и к власти пришло революционное правительство, отчаянно нуждалась в союзниках. В этой ситуации развитие советско-кубинских экономических отношений было единственным способом выжить в условиях объявленной торговой блокады. Без советской нефти, кредитов, технологий и рынка сбыта революционный режим Фиделя Кастро был обречен на гибель.

Уже 13 февраля 1960 г. было подписано соглашение о предоставлении первого кредита Кубе на 400 млн руб. (эквивалент 100 млн долл.) — на проектно-изыскательские работы и комплектные поставки оборудования для строи-

шихся при содействии СССР заводов. В феврале же было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве с Советским Союзом.

В июне 1960 г. Москву посетила кубинская правительственная экономическая миссия во главе с А. Нуньес Хименесом, в рамках которой было подписано соглашение о поставках советской нефти. Это позволило спасти остров от энергетического голода и загрузить работой национализированные американские нефтеперерабатывающие заводы.¹ Что оставалось неизвестным — секретарь миссии Р. Мальдонадо Ортега 15 июня передал заместителю председателя Госплана СССР проект «Соглашения об экономической интеграции в области внешней торговли на основе специализации производственных ресурсов».²

Обнаруженный в Российском государственном архиве экономики документ состоит из пяти статей. В преамбуле заявлялось, что принцип международного разделения труда исключает эксплуатацию одной страны другой и направлен «на использование основных производ-

Липкин Михаил Аркадьевич — чл.-корр. РАН, директор, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)
E-mail: mli@igh.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00621 «Мировая система социализма» и глобальная холодная война: технополитика, экономика, образы будущего (1970–1980-е гг.)» (рук. М. А. Липкин)

¹ См.: Санчес-Сибони О. Красная глобализация. Политическая экономия холодной войны от Сталина до Хрущева. СПб., 2022. С. 302.

² См. также: Арабаджян А. З. Революционная Куба: экономика романтического десятилетия (1959–1970). В печати.

ственных ресурсов, наиболее способствующих более быстрому и гармоническому развитию национальной экономики».³ Таким образом, речь шла о межгосударственной интеграции с сохранением национальных экономик. Предусматривалась координация планов развития двух стран в области внешней торговли. Кубинская сторона представляла это в виде существенного развития торгового соглашения, подписанного с СССР 13 февраля 1960 г. «Эта интеграция позволит, в обоих случаях, чтобы одна страна полностью или частично обеспечила другую определенными продуктами, соответствующим образом учитывая рост уровня потребления этих продуктов, предусмотренный соответствующими планирующими организациями обеих сторон. Таким образом высвободятся излишки, предназначенные для накопления в целях наилучшего их использования», — говорилось о выгодах взаимозависимости, которую предлагали кубинцы.⁴

Ключевыми субъектами такой «интеграции», согласно статье 2, в соглашении были прописаны Госплан СССР и его заморский аналог — Центральный комитет планирования Республики Куба. Они провозглашались ответственными за наполнение протоколов по каждому из товаров, определенных к двухсторонней торговле на базе долгосрочных соглашений. Правительства двух стран обязаны были контролировать своевременность выполнения обязательств плановыми органами. Октябрь — месяц, когда делегаты госпланов двух стран и представителей правительств были обязаны ежегодно собираться вместе и утверждать номенклатуру товаров.⁵

«Сердце документа» — статья 4 — содержала определение предмета соглашения. «Экономическая интеграция, — говорилось в нем, — являющаяся предметом данного соглашения, основывается на развитии наиболее важных производственных ресурсов страны с учетом требования гармонического развития национальной экономики. Таким образом могут быть заключены протоколы относительно определенных продуктов, которые вступят в силу после осуществления запланированных капиталовложений».⁶

В июле 1960 г., после консультаций МИД и МВТ СССР, советская сторона сообщила, что она готова провести обмен мнениями по проекту этого Соглашения в ходе переговоров о товаро-

обмене, намеченных в Москве на октябрь 1960 г.⁷ Следует отметить, что, согласно, принятому революционным правительством закону от 25 апреля 1960 г., головной организацией в системе внешней торговли Кубы назначался именно Банк для внешней торговли. Таким образом, он был больше, чем просто банком, возглавляя конгломерат внешнеторговых организаций под названием «Бансек».⁸ Поэтому становится понятно, почему кубинским визави А. И. Микояна в 1960 г. был именно Эрнесто Че Гевара, глава Бансека — аналога Министерства внешней торговли.

На встрече с советским послом Че Гевара дал ряд комментариев относительно кубинского понимания «интеграции». Он разъяснил, что в его понимании этот термин означает возможность СССР и соцстран покупать на долгосрочной, стабильной основе сахар, никель, медь, табак, консервы из цитрусовых фруктов и др., а взамен импортировать на Кубу сырье, оборудование и товары широкого народного потребления. При этом он добавил, что в понимание такой взаимозависимости он включает установление прямой авиационной, морской и почтово-телеграфной связи.⁹

В октябре 1960 г. происходит резкая активизация контактов между советскими ведомствами и кубинскими партнерами. Именно к октябрю ключевые советские ведомства закончили проработку просьб кубинской стороны, в особенности личной просьбы Фиделя Кастро, изложенной в его письме на имя Н. С. Хрущева, написанного в августе 1960 г.

В своем письме Фидель Кастро просил о целой серии межправительственных соглашений с СССР. Запрос касался советской технической помощи Кубе в геологоразведочных работах, особенно в поиске залежей нефти; реконструкции металлургических предприятий; строительстве нового металлургического комбината; строительстве и реконструкции электростанций; расширении и модернизации существующих трех нефтеперерабатывающих заводов; возведении завода смазочных масел и нового нефтеперерабатывающего завода; командировании десанта из 170 советских специалистов для оказания помощи в планировании разных отраслей кубинской экономики.¹⁰

7 октября 1960 г. глава экономической миссии революционного правительства Кубы майор

³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 79. Д. 245. Л. 49.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же. Л. 50.

⁶ Там же.

⁷ См.: Там же. Л. 44.

⁸ См.: Там же. Л. 69.

⁹ См.: Там же. Л. 46.

¹⁰ См.: Там же. Л. 102–103.

Эрнесто Че Гевара направляет официальное письмо Анастасу Микояну, Первому заместителю председателя Совета Министров СССР, традиционно курировавшему внешнюю торговлю Советского Союза.

«Вы понимаете, товарищ Микоян, — откровенно делился своими мыслями Че Гевара — что в связи с растущим обострением агрессивной политики американского империализма кубинская экономика будет переживать чрезвычайно тяжелое положение в отношении всех видов снабжения, к тому же вполне возможно, что скоро американцы могут наложить эмбарго на поставки товаров на Кубу и установить полную экономическую блокаду, которая может распространиться на большую часть капиталистических стран, снабжающих Кубу, и даже спровоцировать вооруженные столкновения со странами, подобными Гватемале».¹¹

В письме Гевара предвидел многие сложности, связанные с переориентацией экономики страны с мирового капиталистического на мировой социалистический рынок (системы измерения, номенклатура, логистика и т. д.). В этой связи он придавал исключительное значение намеченным на осень переговорам в Москве и просил не просто о двухсторонних встречах, а просил Советский Союз, как лидера мировой системы социализма, организовать встречу — презентацию Кубы для соцстран в формате многостороннего круглого стола.¹²

Таким образом, СССР был интересен для Кубы как в качестве двухстороннего партнера — альтернативного США технологического лидера, так и в качестве главы мировой системы социализма, являвшей собой обособленную модель глобального планового рынка, столь необходимого для ориентированной на экспорт кубинской экономики.

20 октября 1960 г. советник Эрнесто Че Гевары — Барриос — вручил на беседе в советском посольстве в Гаване неофициальные материалы — кубинские тезисы к готовившимся переговорам в Москве. В переведенном с испанского языка виде они срочно были доставлены в Москву, и уже 29 октября министр внешней торговли СССР П. Кумыкин направил в Госплан СССР под грифом «совершенно секретно» эти документы. Они озвучивали кубинские интересы и предложения относительно «интеграции» в мировую систему социализма, предполагавшие активное использование выгод междуна-

родного разделения труда и включение Кубы в мировой социалистический рынок с гарантированным спросом на товары кубинского экспорта. Куба выражала заинтересованность во вступлении в СЭВ.

Кубинцы предварительно намечали, что объемом товарооборота с СССР достигнет 8 млн т в год: 3 млн т нефти и 3 млн т сухогрузов из СССР, вдобавок 3,7 млн т сахара из Кубы в СССР.¹³ Важно отметить, что «узким местом» в экспоненциальном росте товарооборота стали не только мощности советского дальнего флота, но и приемная способность кубинских портов и складов. Жалобы на задержки с простоем и разгрузкой советских судов можно найти в документах советских ведомств. Задача поддержки «Острова Свободы», наряду с проверкой СССР на логистическую прочность в ходе Карибского кризиса 1962 г., привели к новой стратегии создания дальнего флота со стороны СССР. Заложенные в годы Хрущева задания по созданию транспортных кораблей среднего водоизмещения привели к тому, что в период правления Л. И. Брежнева услугами советского фрахтового флота стали пользоваться многие иностранные компании. Страна зарабатывала валюту, а демпингующие советские капитаны сбивали ставки иностранных монополий на стоимость перевозок в Атлантике.¹⁴

Советник Че Гевары — Барриос — помимо прочего, просил СССР оказать помощь в подготовке квалифицированных кубинских кадров в СССР. Более того, он просил «переводными произведениями для различных слоев населения приобщить Кубу к новой социалистической культуре», то есть направить на Кубу советскую переводную литературу разной направленности, не только техническую.¹⁵

Пожалуй, самым знаковым стало то, что помимо тезисных записок общего характера, советник Че Гевары конфиденциально передал советской стороне «Предварительный проект директив для составления перспективного плана на 1961–1965 гг.» Документ представлял собой общие кубинские установки и надежды, связанные с составлением первого пятилетнего плана.

Интересен пафос документа — он с самого начала постулирует место и роль кубинской революции: «Кубинская революция является примером для Америки и восхищением [для]

¹³ См.: Там же. Л. 116.

¹⁴ См.: Meyer H. This Communist Internationale has a capitalist accent // Fortune. 1977. Vol. 95. Feb. P. 134–148.

¹⁵ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 79. Д. 245. Л. 119.

¹¹ Там же. Л. 51.

¹² См.: Там же.

мира».¹⁶ Также с первых же страниц встречается критика собственного Института национальной аграрной реформы. Его винят в том, что, превратившись в «государство в государстве», он довел экономику острова до состояния полной анархии. В тексте объявлялось о наступлении новой фазы развития, которая требовала отказа от партизанских методов действий «из-за угла» и перехода к единой государственной политике во всех сферах жизни кубинского общества.¹⁷

В документе говорилось о том, что кубинский план должен быть «ощутимым выражением воли его народа», «тем, что оправдывает его надежды и стремление к лучшей жизни для них и их детей».¹⁸ То есть он должен был повысить уровень благосостояния населения и в целом индекс счастья кубинцев, для чего ставилась амбициозная задача достижения лучших результатов для всего континента.¹⁹

О перспективах сотрудничества с «мировой системой социализма» в документе отмечалось: «кооперация экономики социалистических стран с кубинской экономикой является выгодной, и она далека от торгашества и конкуренции, свойственных экономическим кооперациям с капиталистическими странами, управляемыми монополистической промышленной буржуазией, которая несет с собой опасность в некоторой форме заморозить старую зависимую колониальную структуру».²⁰

В плане откровенно говорилось о том, что, если бы не империалистическое правительство США, Гавана могла торговать со всем американским побережьем. Однако в условиях блокады и угрозы внешней агрессии четко ставилась установка: Куба должна добиться от соцстран, чтобы они отказались от программ развития производства своего сахара, оставив минимальные, необходимые для их национальной безопасности уровни, и предоставить Гаване право покрывать их сахарные запросы. Постоянно растущий рынок мировой системы социализма, оцениваемый кубинцами в 1 млрд чел., рисовал прекрасные перспективы для гарантированных заказов основной экспортной статьи Кубы в тот момент — продукции из сахарного тростника.²¹

Зная о растущих потребностях экономик соцстран в цветных металлах, кубинские директи-

вы плана предусматривали развитие в качестве второй основной статьи экспорта разработку этих минералов. Они же должны были дать толчок к развитию собственной промышленности и науке, о которой также шла речь в документе. Рекомендовалось назначить одного члена кубинского Комитета планирования — предположительно ее Президента — ответственным за координацию взаимодействия с соцстранами. Таким образом, речь шла об установке на персонификацию контактов и ответственности в задаче интеграции кубинской и социалистических экономик в ближайшей перспективе.²²

1 ноября 1960 г. в Москве состоялись переговоры кубинской экономической миссии и советской делегации во главе с А. И. Микояном. Были образованы три рабочие комиссии. Первую — по вопросам товарооборота, включая проблему сахара — возглавили министр внешней торговли СССР Н. Патоличев и главный администратор Банка для внешней торговли Кубы Альберто Мора. Вторую — по вопросу многостороннего платежного соглашения — возглавили замминистра внешней торговли П. Н. Кумыкин и руководитель отдела торговли с СССР Банка для внешней торговли Кубы Рауль Мальдонадо. Третью — по вопросам кредита, комплектных поставок и техпомощи — возглавили председатель ГКЭС С. А. Скачков и руководитель отдела планирования и исследований Департамента индустриализации Национального института аграрной реформы Албан Латасте.²³

На переговорах были затронуты все интересовавшие кубинскую сторону проблемы, но без погружения в детали — их обсуждение переносилось в рабочие группы, советские ответные предложения только формировались для обсуждения в правительстве СССР. Че Гевара сделал акцент на задаче индустриализации страны и передал дополнявший письмо Фиделя Кастро список из намеченных к строительству еще 13 крупных заводов. Он также запросил помощи в подготовке 2 400 квалифицированных специалистов в соцстранах.

И из выступлений руководителя ГКЭС, и из слов Микояна следует, что СССР в тот момент несколько сдерживал порыв кубинских экономистов, стараясь разделить ответственность с другими соцстранами. «А. И. Микоян замечает, что по политическим и общим мотивам было бы нежелательно, чтобы много советских людей находилось на Кубе и интересуется,

¹⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 79. Д. 245. Л. 125.

¹⁷ См.: Там же. Л. 126.

¹⁸ Там же. Л. 129.

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ Там же. Л. 134.

²¹ См.: Там же.

²² См.: Там же. Л. 135.

²³ См.: Там же. Л. 220–221.

не могла ли бы Кубинская сторона еще раз рассмотреть врученную заявку на советских специалистов в сторону ее сокращения», — говорилось в записи беседы.²⁴

Вероятно, подобная осторожность в тот момент объяснялась как потребностью в квалифицированных кадрах внутри самого СССР, так и чрезмерными запросами Гаваны при крайне пестрой и неопределенной картине будущих планов. На переговорах не было заключено соглашения об «интеграции», но логика последующего развития отношений показала, что де-факто интеграция получила развитие на десятилетия вперед.

4 ноября 1960 г. в Москве по просьбе Че Гевары был организован «круглый стол» с соцстранами. На уровне министров и начальников Госпланов были представлены Албания, Болгария, Венгрия, Чехословакия; ГДР, Польша и Румыния — на уровне заместителей председателей Совета министров; КНДР, Монголия, Вьетнам — на уровне торгпредов и послов.²⁵ Китай заявил о том, что он будет представлен торгпредом посольства в Москве.²⁶ Советскую делегацию возглавлял Первый председатель Совета Министров А. И. Микоян.

Встречу открыл глава кубинской экономической миссии Че Гевара. Он объяснил не только экономическую, но и социально-политическую значимость гарантированных цен и рынков сбыта для кубинского сахара. «Мы ставим этот вопрос, как неотложную необходимость для кубинского народа, прежде всего, чтобы выжить просто физически, и, во-вторых, как вопрос политического будущего нашей революции. <...> Мы ведем смертельную войну с американским империализмом и вы это прекрасно знаете. Им будет трудно развязать открытую вооруженную интервенцию против нашей страны. Но у них остается путь разжигания внутренних контрреволюционных выступлений, а также путь блокады и экономической агрессии. <...> Плохие урожаи, низкие цены или плохие условия для сбыта сахара на мировом рынке будут по меньшей мере замедлять темпы нашего развития», — заявил он во вступительной речи.²⁷

Он объяснил, что от субсидированных цен зависит и уровень зарплат значительной части населения Кубы. А любое недовольство и падение уровня жизни кубинцев тут же используют

в своих целях враги революции. Ранее 60 % продаж сахара приходились на США, причем во внешней торговле сахар занимал 80 % всего экспорта. Уход с Нью-Йоркской биржи для кубинцев означал коллапс госбюджета в случае, если соцстраны не пустили бы их на свои рынки.

Постулируя задачу ухода от монокультурной зависимости, Че Гевара прямо заявил: «...для расширения номенклатуры нашей продукции и развития нашей промышленности нам нужны экономическая помощь и техническое содействие социалистического лагеря».²⁸

На круглом столе выступили представители всех соцстран. Большая часть поддерживала кубинских революционеров, но запрашивала время для конкретизации своих возможностей. Две страны — Чехословакия и Венгрия дали наиболее развернутые и конкретные ответы. Во-первых, они прямо заявили, что сами экспортируют сахар и потому не могут быть импортерами этой кубинской продукции. Во-вторых, они озвучили конкретные предложения применительно к своим интересам на Кубе.

ЧССР предоставила Кубе кредит в 40 млн долларов и выказала готовность предоставить большинство запрашиваемых товаров и открыть двери своих вузов для подготовки кубинских специалистов. Прага готовила к отправке оборудование для мелких комплектных предприятий и выражала заинтересованность в добыче и обработке руд цветных металлов.²⁹ Венгрия сообщила о начале реализации торгового и кредитного соглашений с Гаваной, в рамках которых она поставляла оборудование для связи, заводов средней мощности, предприятий пищевой промышленности и др.³⁰

Последним от имени СССР выступил Анастас Микоян. Он заявил, что Советский Союз считает делом чести всех соцстран оказать всемерную поддержку Кубе. Он напомнил, что СССР готов оказать Гаване политическую, военную и экономическую помощь. В ответ на нефтяной бойкот США, СССР приобрел на мировом рынке за валюту танкеры для транспортировки нефти и сорвал политику блокады. Когда США внезапно отказались от закупки 700 тыс. т сахара, СССР дополнительно приобрел это количество у Кубы. США ввели эмбарго на поставку товаров на Кубу, в ответ СССР сам подал пример и призвал другие социалистические страны

²⁴ Там же. Л. 224.

²⁵ См.: Там же. Л. 246–249.

²⁶ См.: Там же. Л. 250.

²⁷ Там же. Л. 259.

²⁸ Там же. Л. 260.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Там же. Л. 264.

организовать торговлю с Кубой.³¹ «В настоящее время задача заключается в оказании Кубе такой поддержки, чтобы она выстояла. Это значит, надо купить у нее сахар и поставить ей необходимые товары. Куба не просит милостыню, она предлагает торговать. Куба хочет продать нам сахар в обмен на товары, она не требует уплаты валютой», — сформулировал суть задачи круглого стола Микоян.³²

Таким образом, в лице Микояна Советский Союз в тот момент выступал проводником Кубы на мировой социалистический рынок, он не просто сам контрактировался на поставки товаров, но становился покровителем и посредником Гаваны в альтернативном мире двусторонних и многосторонних клиринговых платежей соцстран — стран с плановой экономикой и монополией внешней торговли.

По итогам круглого стола была образована рабочая группа, куда от СССР вошли министр внешней торговли Патолитчев и глава ГКЭС Скачков. Примечательно, что на круглом столе Микоян высказался за более тесное экономическое сотрудничество, однако в формате ведения переговоров на двухсторонней основе. Он не поддержал идею какого-то специального органа по координации торговли между Кубой и социалистическими странами. Он также посчитал «политически нецелесообразным» в тот момент вопрос о вхождении Кубы в СЭВ. Однако координация усилий стран-членов СЭВ с использованием механизмов этой многосторонней структуры в деле помощи Кубе, по мнению Микояна, была не просто желательной, а необходимой для достижения поставленных целей.³³

Встреча за круглым столом в Москве способствовала установлению первых деловых и дипломатических контактов кубинского правительства с такими социалистическими странами, как Болгария, Албания, Монголия, Северная Корея, Вьетнам. Конечно, не все из них в тот момент были способны стать крупными инвесторами или покупателями. Однако можно сказать, что благодаря этой встрече состоялся прием Кубы в семью «мировой системы социализма». На ней был поставлен вопрос о многостороннем соглашении о платежах, о ценах на кубинский сахар и т. д.

Советская сторона в тот момент была занята укреплением рядов СЭВ и воздержалась от моментального включения Кубы в эту орга-

низацию. С одной стороны, кубинский проект «интеграции» шел абсолютно в ногу со временем, подразумевая международное разделение труда, которое обсуждалось в тот момент среди членов СЭВ. Можно сказать, что первые интенсивные контакты кубинцев и соцстран, включая СССР, происходили в момент коренной реформации этой организации.³⁴ Соглашение о международном разделении труда было подписано членами СЭВ в 1962 г. Оно было воспринято в ряде капстран как крупнейшее интеграционное достижение этой организации.³⁵

Пусть и не совсем в той форме и теми темпами, что были желательны для составителей первого пятилетнего плана развития, но Куба начинала интеграцию своей экономики в сторону социалистического рынка. И, конечно, мотором этой интеграции выступили советско-кубинские экономические отношения.

Это подтверждается ставшей доступной исследователям статистикой за 1960-е гг. Объем внешней торговли СССР с Кубой вырос во второй половине 1960-х гг. на треть, главным образом за счет увеличения поставок советских товаров. Доля СССР во внешней торговле Кубы к концу 1960-х гг. составляла более 50 %. По ряду наиболее критических товаров: по нефти, нефтепродуктам, металлам, хлопку, зерну, станкам, автомобилям и т. д. — почти полностью потребности кубинской экономики закрывались импортом из СССР.³⁶

Общий объем кредитов, предоставленных Советским Союзом за 1961–1972 гг., составил внушительную цифру в 4,3 млрд руб. Причем существенная часть из этой суммы была выдана в начале 1970-х гг., то есть уже в период нахождения у власти Л. И. Брежнева. Эта цифра не учитывала безвозмездной помощи СССР за 1961–1970 гг. в 1,044 млрд руб. И, что немало важно, из последней суммы 52,4 млн выделялись на цели экономического развития, а большая часть — 991,8 млн руб. — были потрачены на военные цели, то есть были связаны с поставками военной техники и ее обслуживанием для обеспечения обороноспособности острова.³⁷ Это позволяло временно разгрузить госбюджет

³¹ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 79. Д. 245. Л. 268.

³² См.: Там же. Л. 269.

³³ См.: Там же. Л. 271.

³⁴ См.: Липкин М. А. Совет экономической взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М., 2019. С. 76–100.

³⁵ См.: Осипов Е. А. Попытка реформирования СЭВ в 1962–1963 гг. в оценках французских дипломатов (по материалам архива МИД Франции) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, вып. 7 (81). URL: <https://history.jes.su/s207987840006792-0-1>.

³⁶ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 82. Д. 1933. Л. 4.

³⁷ См.: Там же. Оп. 83. Д. 250. Л. 85; Оп. 82. Д. 1933. Л. 170.

Кубы от затрат на военно-промышленный комплекс и направить сэкономленные ресурсы на развитие гражданских секторов экономики.

Новый этап советско-кубинских экономических отношений наступает в 1971 г. Он был связан с критическим состоянием кубинской экономики, когда страна оказалась на грани объявления дефолта и испытывала проблемы как в экономике, так и во внутриполитической жизни.

Необходимость учитывать в советском бюджете внешнеэкономические обязательства СССР в отношении Кубы вела к постоянному мониторингу состояния кубинского народного хозяйства. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 8 февраля 1971 г. и состоявшимся обменом мнениями на Политбюро, в марте 1971 г. в Отдел ЦК КПСС был представлен развернутый анализ состояния кубинской экономики и перечень предложений по усовершенствованию экономических отношений Москвы и Гаваны. Документ был скреплен подписями представителей всех ведущих инстанций в этом вопросе: К. Катушева (СЭВ), Н. Байбакова (Госплан), В. Новикова (Совет Министров), А. Громыко (МИД), Н. Патоличева (МВТ), К. Русакова (Отдел Соцстраниц ЦК КПСС).³⁸

Как следует из сопроводительной записки и самого текста документа, тема советско-кубинских отношений рассматривалась как часть директив для XXIV съезда КПСС в связи с составлением советского пятилетнего плана. Именно вокруг приезда кубинской делегации на это ключевое партийное мероприятие в СССР строился новый взгляд на отношения с «Островом свободы» в начале 1971 г.

Авторитетный документ так формулировал суть ситуации: «...главной причиной, приведшей кубинскую экономику к состоянию, близкому к развалу, являлась неправильная, идеалистическая основа руководства народным хозяйством Кубы. В руководстве народным хозяйством господствовала тенденция отрицания всех основных экономических законов и категорий товарного производства, якобы присущих только капиталистическому способу производства. Считалось, что в Республике Кубе, идущей своим особым путем, не действует закон стоимости, нет категорий товара, денег, прибыли».³⁹

Подробный анализ кульбитов «истинного марксизма» во внутрикубинском экономическом планировании, доведший страну до отказа от составления государственного бюджета в

1967 г., приводится в диссертации А. З. Арабаджян.⁴⁰ Для советских экспертов в то время также было очевидно, что этим объяснялся провал начатой в 1964 г. кубинской кампании по кратному увеличению производства сахара — «Великой сафры в 10 млн т к 1970 г.», а также многочисленных других начатых и брошенных проектов. Общим итогом первых кубинских пятилеток стало падение уровня национального дохода и производительности труда к 1969 г., несмотря на рост капиталовложений. Причем формально был достигнут успех: путем перенапряжения сил и средств в 1970 г. был собран рекордный урожай сахара в 8,5 млн т. Но это потребовало мобилизации почти 1 млн человек из других отраслей экономики, что стало причиной дезорганизации всех прочих направлений.

В анализе приводились кричащие цифры о том, что на взрослую кубинку приходится одно платье, одна пара туфель на год и одна пара чулок на 2 года.⁴¹ На этом уровень обеспечения промышленными товарами заканчивался. В то же время, рассматривая это как завоевание революции, Гавана обеспечивала почти 2 млн человек бесплатным питанием за счет госбюджета. Причина подобных перекосов виделась советским функционерам в низкой эффективности экономической модели в целом.⁴²

Отмечалось, что за 1960–1970 гг. социалистические страны без СССР предоставили Гаване кредитов на сумму около 370 млн долл. Среди них: ГДР — 92 млн, ЧССР — 73 млн, СРР — 72 млн, ВНР — 27 млн, ПНР — 27 млн, НРБ — 9 млн, СФРЮ — 10 и КНР — 60 млн.⁴³ Однако, несмотря на эти внушительные вливания в кубинскую экономику, назревал вопрос о необходимости как смены экономической политики на Кубе, так и переоценки приоритетов в СССР.

«По мнению ЦК КПСС, развитие экономики Кубы идет в направлении, при котором не обеспечивается рост национального дохода пропорционально усилиям кубинских трудящихся и той помощи, которую оказывают Кубе другие страны», — заявлялось в документе.⁴⁴

Из авторитетного анализа следует, что была проведена работа по обсуждению строки

³⁸ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 82. Д. 1933. Л. 316–335.

³⁹ Там же. Л. 325.

⁴⁰ См.: Арабаджян А. З. Эволюция социалистической системы Кубы и экономические преобразования в 1959–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2023. С. 146, 147. См. также: Sovilla B. Dificultades y contradicciones en la construcción del socialismo en Cuba al inicio del periodo revolucionario // *América Latina en la Historia Económica*. 2019. № 3 (26). e983.

⁴¹ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 82. Д. 1933. Л. 321.

⁴² См.: Там же. Л. 316–319.

⁴³ См.: Там же. Л. 324.

⁴⁴ Там же. Л. 328.

расходов советского бюджета на Кубу в пятилетнем плане самого СССР. И она выявила, что товарные возможности Москвы уже на пределе. Документ прямо говорил о том, что за счет внешних вливаний и товарных поставок не получится решить внутрикубинские проблемы, источник роста экономики надо искать на самом острове. Анализ констатировал, что в 1971 г. производство советских товаров для поставки на Кубу уже отвлекало советские производственные мощности общей стоимостью около 5 млрд руб. Это означало, что вместо работы на нужды советской экономики и возврата вложенных в их строительство денег они ориентировались на развитие кубинского рынка. Рост масштабов вовлеченности советской промышленности в выполнение кубинских заказов ставил под угрозу выполнение задач собственной пятилетки развития экономики Советского Союза, то есть, по сути, угрожал реализации планов косыгинской реформы.⁴⁵

Особое возмущение читается между строк сухих фактов о невыполнении кубинцами их же просьб приобретать как можно больше сахара: при рекордном сборе сахара в 1970 г. вместо того, чтобы выполнить согласованные поставки в СССР на 5,3 млн т, значительную часть продукта Куба реализовала на мировом рынке за валюту, а в СССР было отгружено лишь 3 млн т, что в очередной раз нарушило торговый баланс.⁴⁶ Следует отметить, что в отдельном документе Госплана СССР прямо говорилось про странности в пересмотре кубинской стороной количества поставляемого в СССР сахара на 1972 г. — с 2,3 млн т до 500 тыс. т (то есть сокращение в 1,8 раз). И это на фоне хронического отрицательного баланса в торговле с СССР.⁴⁷

Вместе с тем в мартовском критическом анализе советско-кубинских экономических отношений 1971 г. отмечалось, что Куба крайне важна для СССР тем, что она первая страна в Западном полушарии, строящая социализм, и потому целесообразно развивать дальнейшие отношения, оказывать ей политическую поддержку и экономическую помощь.⁴⁸

Приводились конкретные факты экономических и логистических выгод от сотрудничества. Так, хоть и оплаченные вначале самим же СССР (через выданные кредиты), советские товары принесли доход советскому бюджету за счет раз-

ницы между отпускной и внешнеторговой ценой — «торговля с Кубой является источником дополнительных средств для государственного бюджета Советского Союза», — говорилось в документе. Именно поэтому разводилась логика торговли и логика технико-экономической «помощи», которая оказывалась либо вообще безвозмездно, либо на несбалансированной основе, без ожидания непосредственных экономических ответных выгод со стороны получателя.

Примечательно, что на тот период времени кубинская экономика уже была интегрирована в советскую в области зависимости от поставок сахара. В документе содержался пассаж о том, что в случае непредвиденного разрыва связей СССР потребовалось бы увеличить посевные площади сахарной свеклы на 500–600 тыс. га, а также построить 27 дополнительных заводов для ее переработки. При существующей же модели взаимодействия выгода СССР заключалась в том, что имевшиеся советские заводы по переработке сахара-сырца не простаивали в период после сборки урожая в СССР: благодаря кубинскому импорту они были загружены круглый год.⁴⁹ Также косвенной выгодой от сотрудничества с Гаваной было использование кубинских портов для снабжения и ремонта советских рыболовецких судов. За 1966–1970 гг. услуг для советского флота было оказано на сумму в 3,5 млн руб. Причем при столь небольших затратах Совморфлот активно зарабатывал валюту в дальних морях для советского бюджета. А она шла на оплату импортных поставок в СССР новейшего западного оборудования и иных расходов, связанных с косыгинской реформой.

В документе предлагалось помочь кубинцам перезапустить экономику путем создания собственных источников для роста экономики, с помощью системы спроса и предложения, через механизм не только морального, но и материального поощрения труда.⁵⁰ Это соответствовало духу косыгинских реформ в СССР. При этом для создания товарных фондов в целях стимулирования развития кубинской экономики высказывалось предложение содействовать в этом путем увеличения вдвое всего существовавшего на тот момент фонда продовольственных товаров на Кубе. Предлагалось кратно увеличить поставки товаров народного потребления из СССР до 100 млн руб. в год, взамен сократив закупки сложного оборудования, для использования которого на острове все равно

⁴⁵ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 82. Д. 1933. Л. 328.

⁴⁶ См.: Там же. Л. 324.

⁴⁷ См.: Там же. Л. 134.

⁴⁸ См.: Там же. Л. 327.

⁴⁹ См.: Там же. Л. 334.

⁵⁰ См.: Там же. Л. 328.

не хватало достаточного количества квалифицированных кадров.⁵¹ Подчеркивалось, что решения должны были приниматься самим кубинским руководством исходя из региональной специфики.

Советский разбор состояния дел на Кубе совпал с отчаянной просьбой о помощи, поступившей с самого «Острова свободы» в июне 1971 г. Именно тогда в Москву прибыли министр внешней торговли Кубы Марсело Фернандес Фонт и президент Национального Банка Орландо Перес. Они были посланниками Президента Кубы Освальдо Дортикоса. Целью их визита было урегулирование острых вопросов, поставленных в секретном письме Дортикоса в адрес Алексея Косыгина, Председателя Совета Министров СССР.

Неизвестное до настоящего времени письмо, датированное 18 июня 1971 г., сообщало о критическом состоянии кубинской экономики, о ситуации вероятного дефолта и содержало мольбу о помощи и моратории на выплаты по советским кредитам в обозримой перспективе. «В ближайшие недели мы столкнемся с неизбежным положением невыполнения платежей, — писал Дортикос. — Мы считаем, что последствия этих невыполнений платежей будут очень вредными для нашей страны. Это создаст чрезвычайное положение, весьма трудное для Кубы.

Как вам известно, Куба не является и не может быть участником никакой международной организации, к которой она могла бы обратиться, через общепринятые механизмы, чтобы ликвидировать это положение в своем платежном балансе. Говоря откровенно, нам не хотелось ставить этот вопрос перед СССР, зная о его трудностях и о трудностях других социалистических стран в этой области; но мы считаем своим долгом проинформировать Вас об этом, так как мы уверены, что кроме практических затруднений, это невыполнение повлечет за собой большую кампанию против Кубы, из которой империалисты будут стремиться извлечь наибольшую выгоду и увидят в этом результат двенадцати лет блокады».⁵²

Тем самым Дортикос, во-первых, информировал Косыгина о критической ситуации с финансами на «Острове свободы», а во-вторых, апеллировал к политическим и имиджевым последствиям для СССР и «мировой системы социализма» от банкротства социалистического правительства на Кубе.

Письмо надлежало вручить лично в руки адресата посланникам Дортикоса — министру внешней торговли и президенту Национального банка. Им надлежало дать устные разъяснения по теме письма. Благодаря записи встречи можно оценить остроту момента для судьбы правительства Фиделя Кастро.

Переговоры прошли в Москве 24 июня 1971 г. В ходе беседы Марсело Фернандес Фонт сообщил, что общая задолженность Кубы в свободной валюте составляет 500 млн долларов, из которых около 100 млн приходится на разные социалистические страны. Он признался, что за 1966–1970 гг. превышение импорта над экспортом из стран, расчеты с которыми строились в валюте, составило 435 млн долларов. Это вынуждало прибегать к займам, и к 1971 г. возможности перекредитоваться у Банка Кубы уже не осталось.⁵³ Кубинцы просили выдать для ежегодных выплат в ближайшие 3 года по 100 млн долларов в кредит, при этом откровенно признались, что им придется продолжать занимать для импортных закупок помимо этих стабилизирующих платежей, причем выплаты по новому кредиту они смогут начать осуществлять не ранее 1976 г.

Знакомый с законами математики, советский премьер-министр, как строгий учитель, тут же вслух навскидку посчитал, какова будет ситуация с внешними долгами к означенному сроку, озвучив цифры грядущей катастрофы. «К тому же, если исходить из сказанного вами, тов. Фонт, — произнес Косыгин, — то получается следующее: вы хотели бы получить дополнительные платежные средства в свободной валюте на сумму 300 млн долларов на три года, но сохранить существующие в настоящее время размеры получаемых вами кредитов. Следовательно, поскольку в этой пятилетке, вы не сможете, как вы говорите, возратить новых займов, то к 1 января 1976 г. ваша задолженность увеличится до 800 млн долларов. <...> С точки зрения возможностей погашения это совершенно нереальные цифры, и в настоящее время, как мы понимаем, вы не можете доказать, что Куба будет в состоянии осуществить такие платежи. Поэтому важно представить себе какую-то альтернативу решения вопроса, в случае, если не будет возможности получить валютного займа».⁵⁴

Запись переговоров говорит о том, что Косыгин был откровенно шокирован озвученными подробностями. Он пришел к выводу, что

⁵¹ См.: Там же. Л. 331.

⁵² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 77. Л. 144.

⁵³ См.: Там же. Л. 155–156.

⁵⁴ Там же. Л. 159.

испрашиваемые валютные кредиты были бы необеспеченными, четкого плана выхода из ситуации нет и альтернативных сценариев ухода от кредитной иглы кубинской стороной не разработано. Он признался, что СССР практически не выдает кредитов в валюте (кубинцы получили ранее небольшие не государственные, а коммерческие кредиты от банков СССР в Лондоне и Париже, а также от представительств иных банков соцстран).⁵⁵ Реагируя на откровения кубинских представителей, он не удержался и прямо сказал: «...вопрос, который Вы поставили, является для нас очень сложным, и я должен сказать, что он был для нас неожиданным».⁵⁶ В итоге советский премьер заверил, что проблема будет озвучена перед Политбюро. По просьбе кубинцев было решено не делать публикаций в прессе о состоявшейся беседе, дабы избежать огласки состояния дел на Кубе в тот момент.⁵⁷

По итогам рассмотрения письма Дортикоса, 29 июня 1971 г. было принято Постановление ЦК КПСС, раздавшее ключевым ведомствам задания по выработке предложений о том, как оздоровить экономику Кубы.⁵⁸

Одним из поручений упомянутого Постановления было составление письма Л. И. Брежнева Фиделю Кастро. Подготовленное в августе, оно в очень дипломатической форме сообщало о том, как трепетно СССР относится к делу кубинской революции, но сколь сложными являются поставленные кубинцами вопросы. Письмо приглашало Фиделя Кастро приехать в СССР, чтобы обсудить выход из положения по итогам анализа ситуации советскими и кубинскими специалистами. В качестве знака доверия к письму прикладывался секретный отчет о состоянии экономики Кубы, составленный для ЦК Председателем Госплана Н. К. Байбаковым по итогам его визита на остров в конце апреля — мае 1971 г. Письмо Брежнева заканчивалось такими словами: «Мы оставляем на Ваше полное усмотрение вопрос о том, какую форму можно было бы придать этой встрече. Главное — не формальная сторона, а возможности встретиться, как говорится, “без протокола”, вместе внимательно взвесить и обдумать с разных сторон стоящие перед нами проблемы. Мы со своей стороны готовы уделить этому столько времени, сколько будет необходимо».⁵⁹

Обнаруженная в приложении записка Председателя Госплана Н. Байбакова называлась «О дальнейшем развитии советско-кубинских экономических отношений и некоторых вопросах экономического положения республики Куба» и давала оценку состоянию кубинской экономики, видя в ней нереализованный потенциал для роста. Документ критиковал как отдельные перекосы в развитии хозяйства, так и в целом отсутствие четкого централизованного государственного планирования и связанное с этим постоянное разбрасывание ресурсов. В то же время приводились крайне высокие цифры постоянно растущей зависимости Кубы от импорта товаров и продуктов на фоне общего падения как платежеспособности, так и производительности труда. В частности, отмечалась опасная тенденция: на протяжении последних лет объем поставок товаров и услуг, а также комплектного оборудования в рамках технического содействия из СССР превышал ответные поставки из Кубы ежегодно в среднем на 225 млн руб. Объем предоставленных СССР кредитов (включая 1970 г.) уже перевалил за 3 млрд руб.⁶⁰

На это накладывались гигантские по меркам соцстран затраты кубинского бюджета на программы социальной помощи. В анализе приводится интересное сравнение: размер кубинского общественного фонда потребления, откуда производились выплаты независимо от качества труда, достиг 40 % от общего национального дохода Кубы. Для сравнения этот показатель в соцстранах с развитой экономикой составлял: в СССР — 24 %, а в Болгарии и Венгрии — 20 %.⁶¹ Из-за дефицита собственного производства на руках у кубинцев скопилось огромное количество наличных денег, не обеспеченных товарами. Товары народного потребления распределялись по карточной системе.⁶²

И все же Байбаков верил в возможность оздоровления кубинской экономики за счет лучшей координации планов с СССР. Он делал акцент на развитии на Кубе заводов по производству никеля для экспорта и сети текстильных фабрик для внутреннего рынка как на первоочередных мерах для уменьшения импортной зависимости страны.⁶³

Беспрецедентным по масштабам оказываемой помощи и уровню интеграции ресурсов следует считать Постановление ЦК КПСС от

⁵⁵ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 77. Л. 160.

⁵⁶ Там же. Л. 161.

⁵⁷ См.: Там же.

⁵⁸ См.: Там же. Л. 138.

⁵⁹ Там же. Оп. 7. Д. 457. Л. 56.

⁶⁰ См.: Там же. Оп. 69. Д. 116. Л. 60.

⁶¹ См.: Там же. Л. 63.

⁶² См.: Там же. Л. 60.

⁶³ См.: Там же. Л. 68.

17 августа 1971 г. «О советско-кубинских экономических отношениях». В нем на шести страницах излагался комплекс мер с перечислением конкретных заводов, поставок товаров, машин и т. д. Главная цель прописанных мероприятий — оказание содействия Кубе в увеличении национального дохода и повышении эффективности производства.⁶⁴ При этом в самом постановлении практически не было никаких цифр. Их можно определить лишь из подготовительных материалов.

Наиболее информативен материал, подготовленный Госпланом и рассмотренный в ЦК КПСС 5 августа 1971 г. Принятое по нему решение было «в основном» согласиться с предложениями Н. Байбакова. Причем оговаривалось, что вопрос о кредитах следовало рассмотреть отдельно, не включая в итоговое августовское Постановление ЦК КПСС.⁶⁵ Тем интереснее приводимые в проекте постановления цифры и логика главного планового органа СССР.

В пояснительной записке разъяснялось, что «экономическая помощь Советского Союза, прежде всего, должна способствовать созданию на Кубе условий для постепенного сбалансирования ее народного хозяйства за счет собственных ресурсов, расширения производства продовольственных и промышленных товаров народного потребления и увеличения экспортных возможностей Кубы».⁶⁶

Для этого предлагалось увеличить объем поставок советских товаров на 32 % по сравнению с предыдущей пятилеткой. Ожидался встречный рост кубинских товаров на 16 %.

Понимая, что Куба сразу резко не увеличит экспортные поставки и торговля будет какое-то время несбалансированной, СССР внес предложение установить размер новых советских кредитов Кубе в 1972–1975 гг. на уровне примерно в 2 млрд руб. Из них 1300 млн руб. планировались для оплаты советских материалов и оборудования, включая замещение машин, закупаемых Гаваной из капиталистических стран. А еще 400 млн руб. — в виде специального кредита на оплату товаров народного потребления (телевизоров, стиральных машин и т. д.) для улучшения снабжения населения и создания товарного фонда внутри страны.⁶⁷ Это отвечало установке и проекта, и итоговой версии Постановления на помощь в создании материальных

стимулов для развития кубинской экономики — в духе косыгинской реформы в СССР.

В этом ключе следует обратить внимание на абзац про реконструкцию шести действующих и строительство еще двух новых текстильных фабрик. За счет проектирования, поставок советского оборудования и сырья — хлопка — планировалось к 1976 г. восстановить объем собственного производства хлопчатобумажных тканей на острове, выведя его на уровень потребления 1965 г.⁶⁸

Помимо этого, вносилось предложение о предоставлении дополнительных кредитов на покрытие дисбаланса — разницы между кубинскими товарными поставками и превышавшими их советскими — но только после обращения Правительства Кубы. Предлагалось разрешить отсрочить погашение советских кредитов, выданных Гаване до 1975 г., еще на 25 лет, без начисления процентов.⁶⁹

Надо оговориться, что в записке отмечался интерес СССР в получении большего количества сахара. В ней говорится, что за 5 лет от реализации кубинского сахара госбюджет СССР получил свыше 4 млрд руб.⁷⁰ Как отмечал Оскар Санчес-Сибони, значительная часть кубинского сахара перепродавалась на мировой рынок, отчасти через другие страны социалистической подсистемы, отчего американские аналитики негодовали: в результате этих цепочек кубинская революция спонсировалась на средства мирового капитализма.⁷¹ В целом стоит отметить, что приводимая Косыгиным сумма выглядит внушительно, однако сколько в этой цифре было заложено недополученных выплат по советским кредитам, выданным из бюджета как на сбалансирование товарооборота, так и в целом на развитие кубинской экономики в предыдущие годы, конечно, не уточнялось.

При анализе Постановления 1971 г. и материалов советских предложений к этому постановлению принципиально важными представляются два момента.

Первое — существенное увеличение кредитной линии для Гаваны. Если взять статистику Госплана СССР, то с учетом кредитной линии МВТ, ГКЭС и ГИУ (Главного инженерного управления), всего на 1 января 1971 г. Москва предоставила Гаване кредитов на 2 млрд 871 млн руб. Причем внутри этой суммы

⁶⁴ См.: Там же. Д. 143. Л. 7–12.

⁶⁵ См.: Там же. Д. 116. Л. 120.

⁶⁶ Там же. Л. 122.

⁶⁷ См.: Там же. Л. 124–125.

⁶⁸ См.: Там же. Л. 124.

⁶⁹ См.: Там же. Л. 125.

⁷⁰ См.: Там же.

⁷¹ См.: Санчес-Сибони О. Красная глобализация... С. 305, 306.

в преимущественно «хрущевский период» — за пятилетку 1960–1965 гг. — 914 млн руб. За уже чисто «брежневскую пятилетку» 1966–1970 гг. — 1 млрд 870 млн руб. На пятилетку 1971–1975 гг. Минфину предписывалось предусмотреть ресурсы на кредитную линию в 2 млрд 667 млн руб. (из них 667 млн были уже выданы в 1971 г.).⁷² Таким образом, можно определенно говорить о двукратном увеличении советских кредитов для Кубы именно в брежневский период, причем сразу же — начиная уже со второй половины 1960-х гг.

Второе — для исследователей изучение темы советско-кубинских экономических отношений становится все более запутанным из-за второго важного аспекта решений 1971 г. — отделения «торговли» от «помощи» и перехода на модель отдельных межправительственных соглашений, разбросанных по разным отраслям экономики.

«Вносится предложение о том, чтобы впредь предоставлять Кубинской Стороне кредиты на покрытие превышения поставок советских товаров над кубинскими при условии обращения Правительства Республики Куба по этому вопросу, как это имеет место в наших отношениях с другими социалистическими странами. Установление такого порядка даст возможность отделить внешнюю торговлю от экономической помощи, которая будет оказываться Советским Союзом Кубе».⁷³ В итоговом Постановлении августа 1971 г. и в подготовительных материалах акцентировалось внимание на том, что товарооборот должен осуществляться на основе долгосрочных соглашений и быть сбалансированным, но помимо этого должна оказываться экономическая помощь. Тем самым постулировалась важная мысль о том, что внешняя торговля должна быть экономически выгодной для обеих сторон, а вот оказываемое по политическим и идеологическим соображениям «содействие развитию» (или «помощь») диктовалось не только экономическими мотивами, не должно было оцениваться с позиций государственного меркантилизма и служило не только экономическим целям СССР.

Так, в частности, отдельно оговаривались техническое содействие в расширении тепловых электростанций Кубы на общую мощность 300 тыс. квт и строительство линий электропередач на 200 км и трех подстанций. По линии

ГКЭС поручалось обеспечить это оборудованием и материалами. Эти позиции не входили в торговые соглашения, являясь отдельной стороной советско-кубинских отношений.⁷⁴ То же касалось реконструкции заводов по производству никеля и т. д.: они обсуждались и регулировались отдельными соглашениями.

В 1972 г. в директивах на переговоры советских и кубинских плановиков была предпринята попытка установить коридор допустимого превышения советских поставок над кубинскими: «При согласовании с Кубинской Стороной объемов поставок советских и кубинских товаров на 1973–1975 гг. руководствоваться пунктом 2 Постановления Совета Министров СССР от 17 августа 1971 г. № 573-169 “О советско-кубинских экономических отношениях” в части, касающейся отделения внешней торговли от экономической помощи Советского Союза Кубе. При этом исходить из того, чтобы разница между стоимостью взаимных поставок товаров и услуг в 1973–1975 гг. не превышала 450–500 млн руб. в среднем за год».⁷⁵ Тем самым подтверждалась важность Постановления 1971 г. и шло уже творческое развитие его установок.

Постановление ЦК КПСС от августа 1972 г. шло еще дальше в развитии усилий по спасению кубинской экономики. В нем предлагалось простимулировать кубинские доходы от экспорта путем существенного повышения закупочных цен на сахар для СССР — со 120 руб. за тонну до 200 руб. ФОБ на период 1973–1980 гг., при сохранении оплаты частикупаемого кубинского сахара — 200 т — в свободной валюте. Кубе предоставлялся новый беспроцентный кредит до 1 млрд руб. на сбалансирование взаимных платежей с отсрочкой выплат до 1986 г. В ответ на просьбы Дортикоса о реструктуризации основного долга Кубы вносилось предложение дать согласие на отсрочку платежей по нему также до 1 января 1986 г.⁷⁶

Обращает на себя внимание, что в Постановлениях начала 1970-х гг. Госплану СССР поручалось, при согласии кубинской стороны, «проводить координацию пятилетних и годовых народнохозяйственных планов СССР и Республики Куба, имея в виду, что эта работа должна оформляться соответствующими протоколами».⁷⁷ Это означало нечто большее, чем просто согласование списка товаров для

⁷⁴ См.: Там же.

⁷⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 83. Д. 250. Л. 32.

⁷⁶ См.: Там же. Л. 179, 180.

⁷⁷ Там же. Л. 130.

⁷² См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 82. Д. 1933. Л. 169.

⁷³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 116. Л. 125.

взаимной торговли. Речь шла о планах развития и увязки на долгосрочной основе инфраструктурных проектов и торговых цепочек между Москвой и Гаваной в условиях плановой экономики и государственной монополии внешней торговли.

Институционально советско-кубинские отношения в начале 1970-х гг. были укреплены двумя скрепами: в декабре 1970 г. была образована Межправительственная советско-кубинская комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, а в июле 1972 г. Куба стала вторым неевропейским полноправным членом СЭВ (после вступления Монголии в 1962 г.). Гавана активно подключается к работе комиссий и банков этой глобальной социалистической многосторонней организации.

Таким образом, можно проследить эволюцию развития отношений от первых чисто торгово-экономических инициатив начала 1960-х гг. к специализированным программам помощи со стороны СССР и ряда соцстран в начале 1970-х, от первых робких попыток ввести наблюдателя в Совет экономической взаимопомощи в 1960 г. до вступления в СЭВ в 1972 г. Сравнивая объемы помощи и степень важности Кубы для советского внешнеэкономического планирования, следует отметить, что СССР дважды сыграл критическую роль в спасении экономики революционной Кубы от коллапса. Первый — после введения американской блокады в начале 1960-х гг. Второй — в момент преддефолтного состояния страны в начале 1970-х гг.

Расширяя угол изучения и рассматривая советско-кубинские экономические отношения в сопоставлении с другими странами соцсистемы и в сопоставлении с показателями конца 1950–1960-х гг., можно прийти к выводу о том, что именно начало 1970-х является важной реперной точкой в истории советской «помощи» странам социалистической ориентации (Монголии, Вьетнама). Для Кубы — это конкретно 1971 год. Если раньше считалось, что наиболее импульсивно и масштабно советская помощь оказывалась в период руководства страной Н. С. Хрущевым, то новые документы позволяют поставить вопрос о пересмотре такой однозначной оценки. Перезапуск экономик ряда стран, масштабирование программ помощи, их отделение от внешней торговли и сбалансированных списков товарообмена, создание спецфонда в Международном инвестиционном банке СЭВ, усиление аппаратных позиций ГКЭС при Совете Министров СССР и

другие перемены в глобальном видении задачи СССР в 1970-е гг. происходят именно в начале 1970-х гг. Оценка их эффективности требует кропотливой работы исследователей с архивными документами по всему периоду «долгих» 1970-х гг. Она способна дать ответ на вопрос о соотношении интернационального и национального начал в поздней истории СССР.

Советско-кубинские экономические отношения являются наглядным примером сильных сторон «мировой системы социализма». Они показывают притягательность левой альтернативы, идеологическое и технологическое лидерство СССР в таких областях, как военная промышленность, индустриализация, транспорт, связь, подготовка кадров. Приобщаясь к этим ресурсам, Куба становится важным членом СЭВ, в первую очередь как авторитетная и влиятельная страна в третьем мире (и его различных лоббистских структурах: «группе 77» стран, Движении Неприсоединения и т. д.). Можно сказать, что благодаря тому, что Куба стала полноправным членом СЭВ в 1972 г., эта организация обретает глобальное, трансконтинентальное измерение.

Многие останавливаются на рассмотрении советско-кубинских отношений как имиджевого и идеологического проекта Советского Союза. Но при этом забывают, что, во-первых, инициаторами сближения были сами кубинцы. А во-вторых, в процессе реализации контакты обрели еще одно измерение — человеческое, которое демонстрирует как уровень обмена доверительными кубинскими и советскими документами, так и интенсивность контактов не только по политической линии. Неслучайно тема советско-кубинских экономических отношений крайне персонифицирована. Известны многие примеры завязавшейся личной дружбы семей партийных руководителей СССР и Кубы. На уровне массовой культуры (кинематографа, театра, публикаций) советско-кубинские отношения вышли за рамки чисто официальных экономических или политических контактов. Они стали частью мироощущения советских и кубинских граждан, частью наглядной картины выгод от «мировой системы социализма» во главе с Советским Союзом. В результате в обеих странах появился феномен ментального, культурного восприятия изначально далекой страны как дружественной и близкой по духу и устремлениям с точки зрения ценностных ориентиров борьбы за универсальные идеалы справедливости, братства и достойного уровня жизни.

Mikhail A. Lipkin

Member of the RAS, Institute of World History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: mli@igh.ru**SOVIET-CUBAN TRADE AND ECONOMIC RELATIONS (1960–1972)**

The article analyzes evolution of the Soviet-Cuban trade and economic relations in the period of 1960–1972 based on documents from Russian archives that are being introduced into scientific circulation for the first time. Based on key doctrinal documents, records of negotiations and correspondence of key figures of the period under review: Che Guevara, Fidel Castro, Anastas Mikoyan, Alexei Kosygin, Leonid Brezhnev, it shows characteristic features and the logic of certain periods in economic relations. The author proves that in 1960 and 1971 the Soviet Union twice saved the economy of revolutionary Cuba from collapse by promptly providing preferential loans, technical assistance and political support. For the first time, the discussions around the Cuban draft agreement on economic integration with the USSR in 1960 and the negotiations between Soviet and Cuban planners on the problem of the default that threatened Havana in 1971 are shown. The author concludes that despite of a refusal to sign the agreement on integration in 1960, de facto Cuba became a part of the income and expenditure items of the Soviet state budget. The coordination of plans between the two countries from the early 1970s, the confidential exchange of plans for internal development, meant a transition from the initial model of coordinating prices and commodity lists to more complex interstate economic integration, supplemented by Cuba's entry into the CMEA in 1972.

Keywords: *USSR, Cuba, USA, revolution, international trade, blockade, trade sanctions, economic integration, cooperation, aid, loans, world socialist system, CMEA, Gosplan, Che Guevara, Fidel Castro, Anastas Mikoyan, Nikita Khrushchev, Alexei Kosygin, Leonid Brezhnev*

REFERENCES

- Arabajyan A. Z. *Evolutsiya sotsialisticheskoy sistemy Kuby i ekonomicheskiye preobrazovaniya v 1959–1991 gg.: kand. dis.* [Evolution of the Socialist System of Cuba and Economic Transformations in 1959–1991: Diss. Cand.]. Moscow, 2003. (in Russ.).
- Lipkin M. A. *Sovet ekonomicheskoy vzaimopomoshchi: istoricheskiy opyt al'ternativnogo global'nogo miroustroystva (1949–1979)* [The Council for Mutual Economic Assistance: A Historical Experience of the Alternative Global World Order (1949–1979)] Moscow: Ves' Mir Publ., 2019. (in Russ.).
- Meyer H. This Communist Internationale Has a Capitalist Accent. *Fortune*, 1977, vol. 95, no. 2, pp. 134–148. (in English).
- Osipov E. A. [The Attempt to Reform the CMEA in 1962–1963 in the Assessments of French Diplomats. According to the Materials of the Archive of the French Ministry of Foreign Affairs]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"* [The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")], 2019, vol. 10, no. 7 (81). DOI: 10.18254/S207987840006792-0 (in Russ.).
- Sanchez-Sibony O. *Krasnaya globalizatsiya. Politicheskaya ekonomiya kholodnoy voyny ot Stalina do Khrushchova* [Red Globalization. The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev]. Saint Petersburg: Academic Studies Press Publ.; Bibiliorossika Publ., 2022. (in Russ.).
- Sovilla B. Dificultades y Contradicciones en la Construcción del Socialismo en Cuba al inicio del Period Revolucionario. *America Latina en la Historia Económica*. 2019, vol. 26 (3), e983. DOI: 10.18232/alhe.983 (in Spanish).

Для цитирования: Липкин М. А. Советско-кубинские торгово-экономические отношения (1960–1972 гг.) // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 81–94. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-81-94.

For citation: Lipkin M. A. Soviet-Cuban Trade and Economic Relations (1960–1972) // Ural Historical Journal, 2025, no. 2 (87), pp. 81–94. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-81-94.